

Литовский шляхтич Августин Константинович: лже-потомок члена двора великой княгини Елены Ивановны

Домрачев Н.Е.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: nickolas-house@yandex.ru

Статья посвящена анализу прецедента выдачи в 1683 г. «свидетельствованной» грамоты из Посольского приказа литовскому шляхтичу Августину Погожему-Константиновичу о выезде его предка в Литву в составе двора великой княгини Елены Ивановны. Создание легенды о происхождении Погожих-Константиновичей было определено модой на связанные с Московией родословия, распространившейся в среде новой литовской элиты в середине XVII в., в частности, у Огинских, которым служил Константинович. Обращение ко двору Елены Ивановны связано с тесными контактами Константиновича с русскими дипломатами. Его роль с организации контактов между кн. В.В. Голицыным и кн. М.А. Огинским в начале 1680-х гг. и служба в качестве русского агента предопределили удовлетворение его прошения, несмотря на отсутствие в распоряжении Посольского приказа каких-либо документальных подтверждений родословной легенды Константиновича.

Ключевые слова: двор Елены Ивановны, Августин Погожий-Константинович, Посольский приказ, В.В. Голицын, В.М. Тяпкин, историческая память.

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00247-П «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI-XVI вв.)».

Для цитаты: *Домрачев Н.Е.* Литовский шляхтич Августин Константинович: лже-потомок члена двора великой княгини Елены Ивановны [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 14–29. DOI:10.17759/langt.2022090402

Lithuanian Nobleman Augustin Konstantynowicz: a Pseudo-Descendent of a Courter of Grand Princess Elena Ivanovna

Nikolay E. Domrachev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
e-mail: nickolas-house@yandex.ru

The article is devoted to analysis of the case, when in 1683 the Ambassadorial

Chancellery granted to Lithuanian nobleman Augustin Pohoży-Konstantynowicz the tsar's diploma, confirming a departure of his antecessor to Lithuania as a courter of grand princess Elena Ivanovna. The emergence of the legend about the origin of Pohoży-Konstantynowicz was linked with fashion on Muscovy-related genealogies, which had spread among new Lithuanian establishment at the middle of 17th century, especially among Oginski, who were patrons of Pohoży-Konstantynowicz. The interest of Konstantynowicz in grand princess Elena Ivanovna's court was linked to his close contacts with Moscowite diplomats. The role of Konstantynowicz in the organization of contacts between prince Vasiliy V. Golitsyn and prince Marcian A. Oginski in the beginning of 1680s and his service as the Russian agent predetermined the satisfaction of his request by the Ambassadorial Chancellery, despite the absence in the Chancellery any documentary evidence of Pohoży-Konstantynowicz genealogical myth.

Keywords: Elena Ivanovna's court, Augustin Pohoży-Konstantynowicz, the Ambassadorial Chancellery, Vasiliy V. Golitsyn, Vasiliy M. Tiapkin, historic memory.

Funding: The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 19-18-00247-P «The Court of Russian Princesses in the System of Power Structures of Ancient Russia and Western Europe during the Middle Ages and Early Modern Times (11-16 Centuries)».

For citation: Domrachev N.E. Lithuanian Nobleman Augustin Konstantynowicz: a Pseudo-Descendent of a Courter of Grand Princess Elena Ivanovna. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 14–29. DOI:10.17759/langt.2022090402 (In Russ.).

Дискурс современной философии истории невозможно представить без понятий «память» и «историческая память». Они были введены в научный оборот французскими историком Пьером Нора и философом Полем Рикером для концептуализации трансформаций, произошедших во взаимодействии социальных групп с прошлым во Франции в 1970-е гг. [13], суть которых заключается в «изменении традиционного отношения к прошлому». Отмеченное П. Нора «ускорение истории», связанное с ростом динамики политических, социальных и экономических изменений в развитых обществах второй половины XX в. привело к разрыву людей и с будущим, которое становится «абсолютно неопределенным», и с прошлым, которое становится все менее актуально. Связи людей с прошлым начали рушиться. Это вынуждает социальные группы придавать особое значение «памяти», которая должна не транслировать, а реконструировать прошлое [13]. Тем самым, только коренные изменения в механизмах «памяти» привлекли внимание к самому понятию «памяти». Достаточно быстро оно было поддержано научным сообществом и начало активно применяться к исследованиям сначала по истории XX в., а в дальнейшем, — и более ранних периодов.

Важнейшей составляющей памяти людей является «историческая память». Согласно одному из определений — это совокупность передаваемых из поколения в поколение исторических сюжетов, событий и рефлексий, посредством которых события и образы прошлого воспроизводятся и транслируются от одного поколения к другому [12]. Одной из

важных особенностей исторической памяти является ее конъюнктурность: в сознании ее носителя живет и воспроизводится только то, что служит или может служить его актуальным задачам. При исчезновении или изменении части из них компоненты исторической памяти могут подвергнуться значительной трансформации. Еще одной важной особенностью исторической памяти является ее автономность: для ее поддержания не требуются доказательства, она *«менее всего озабочена выявлением объективной истины, подкрепленной источниками»* [24]. Таким образом, запрос доказательств можно считать ключевым признаком неустойчивости исторической памяти, маркером процесса ее разрушения или формирования.

Актуальность проблемы формирования и поддержания исторической памяти в современном обществе сформулировал еще Пьер Нора и его коллеги. Однако не меньший интерес представляют практики формирования и бытования исторической памяти у субъектов в прошлом, в частности, в Раннем Новом времени, связанном с трансформациями традиционных средневековых социальной структуры, экономического уклада, идей. Относительный масштаб этих изменений был не менее значителен, чем трансформации на современном этапе развития. В этой связи представляется важным для исследования уникальный кейс (случай) литовского шляхтича Августина Погожего-Константиновича, в конце 1682 г. обратившегося в Посольский приказ для подтверждения своей родословной, восходящей к одному из членов литовского двора великой княгини Елены Ивановны, обнаруженный среди материалов ф. 150 «Дела о выезжих иностранцах» Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Данные документы ранее не становились объектом внимания исследователей.

7 февраля 1494 г. был заключен московско-литовский «вечный мир», завершивший длительный конфликт двух региональных держав Восточной Европы за контроль над рядом небольших удельных княжеств на восточном пограничье Великого княжества Литовского (Вяземское и ряд т.н. «Верховских княжеств»). Территориальные потери великий князь литовский Александр Казимирович рассчитывал компенсировать заключением династического брака с дочерью Ивана III великой княжной Еленой Ивановной. Договоренность о бракосочетании была достигнута днем ранее, 6 февраля. Тогда же было совершено их заочное обручение. Великий князь и его советники рассчитывали, что в связи с заключением брака Иван III вернет Литве часть завоеванных земель. Однако эти расчеты не оправдались [8; 11; 25; 27]. Вместе с Еленой Ивановной в Вильно отправился значительный двор, включавший в себя более 70 представителей княжеских родов, детей боярских, состоящих на службе великого князя, и их слуг [9]. Однако посланный из Москвы двор великой княгини задержался в Вильно недолго. Александру Казимировичу стало известно о «тайных» функциях членов двора по сбору информации внутренней и внешней политике Литвы, и сразу после венчания в августе 1495 г. великий князь литовский распорядился *«боярыням и иным людям, которым велено побыти у великие княгини, чтоб поехали к великому князю»* [23, с. 210]. Из дипломатических материалов известно, что к сентябрю 1495 г. члены русского двора вернулись в Москву [23, с. 210]. Проведенное А.Л. Корзининым исследование персонального состава двора Елены Ивановны позволяет утверждать, что никто из ее московской свиты действительно при ней не остался [9]. Впоследствии ее двор был в значительной мере укомплектован подданными Великого

княжества Литовского, преимущественно католиками. Выходцы из Московского государства при дворе великой княгини в конечном итоге появились, но их число было незначительным. Представителей рода Погожих среди них исследование А.Л. Корзинина не фиксирует.

При этом и с «московским» двором великой княгини, и в дальнейшем поддерживались периодические контакты с помощью гонцов и посланников ее отца Ивана III и брата Василия III. Среди них в мае 1495 г., еще до высылки «московского» двора, был послан сын боярский Михаил Погожий (Погожево) с грамотами Ивана III к дочери и руководителям ее двора. В грамоте к Елене Ивановне отмечалось: *«и ты бы ко мне с ним же (Погожим. — Н.Д.) отписала, чем неможешь и как тебя нынеча Бог милует»* [23, с. 197]. Очевидно, миссия Погожего предполагала его возвращение в Москву. Не исключено, что он приехал еще до высылки «московского» двора.

Обнаруженный в ф. 150 комплекс документов о прошении шляхтича Августина Погожего-Константиновича представляет собой целостное столбцовое делопроизводство, очевидно, Посольского приказа по оформлению «свидетельствованной» царской грамоты (патента) о службе предков Константиновича в Московском государстве и их «благородном» происхождении. Документы были выделены в отдельную единицу хранения в 1780-е гг., как представляется, при разборе архива Посольского приказа Н.Н. Бантыш-Каменским и формировании коллекции «Дел о выезжих иностранцах». На обертке дела отмечено, что *«с онаго копия послана в Вотчинную коллегию 1782-го года августа 22»* [19, л. 1]. Комплекс состоит из семи документов. Все они оформлены в Посольском приказе на столбцах белой вержированной бумаги с филигранями «Герб Амстердама» и «Голова шута». Бумага этих двух типов перемешана.

Документ №1 — Запись объявления смоленского шляхтича Н.М. Краевского в Посольском приказе вестей об обсуждении в Речи Посполитой возможности разрыва перемирия с Московским государством, подготовке к сейму и прошения кадинского наместника Августина Погожего-Константиновича о выдаче ему «свидетельствованной» царской грамоты о службе его предков в Московском государстве (Перевод Посольского приказа с польского), датированная началом 1683 г. [19, л. 1-4]. В правом верхнем углу л. 1. кириллической цифирью поставлен номер «55». Документ написан парадной профессиональной скорописью, характерной для Посольского приказа втор. пол. XVII в. черными чернилами. Данный документ является иницирующим для данного делопроизводственного комплекса.

Документ №2 — Запись легенды о выезде на службу в Москву князя Островского, происхождении от него родов Погожих и Тяпкиных и выезде в Литву в составе двора Елены Ивановны Константина Погожего (на польском языке), датированная датированная началом 1683 г. [19, л. 12-12 об.]. Как представляется, Легенда... была записана в Посольском приказе Н. М. Краевским незадолго после объявления им литовских вестей и прошения Константиновича. В правом верхнем углу л. 12 кириллической цифирью поставлен номер «50». Документ написан латинской скорописью бледными черными чернилами рукой, вероятно, смоленского шляхтича Н.М. Краевского.

Документ №3 — Перевод Записи легенды..., выполненный в Посольском приказе в январе-феврале 1683 г. [19, л. 8]. В правом верхнем углу л. 8 кириллической цифирью

поставлен номер «50». Фамилии-патронимы «Варгос», «Погожей», «Тяпкин» в тексте документа подчеркнуты красным карандашом кон. XIX — нач. XX в. Документ написан профессиональной скорописью черными чернилами.

Документ №4 — Выписка из посольской книги 6996 г. по связям с Великим княжеством Литовским списка двора великой княжны Елены Ивановны, отправленного с ней в Вильно (без конца), датированная январем-февралем 1683 г. [19, л. 5-7, л. 10]. В правом верхнем углу л. 5 кириллической цифирью поставлен номер «55». Документ написан парадной профессиональной скорописью, почерком, близким почерку Документа №1, черными чернилами.

Документ №5 — Выписка из Государева родословца редакции в 81 главу родословной Варгасовых, Погожих и Тяпкиных (Глава 77), датированная тем же периодом [19, л. 9, л. 11]. В правом верхнем углу л. 9 кириллической цифирью поставлен номер «50». Документ написан парадной профессиональной скорописью, почерком, близким почерку Документа №1, черными чернилами. Заголовок Выписки... — «Род Варгасовых, да Погожих, и Тяпкиных» — подчеркнут красным карандашом, идентичным пометкам на третьем документе.

Документ №6 — Царская «свидетельствованная» грамота Августину Погожему-Константиновичу о службе его предков в Московском государстве и их выезде в Литву с великой княгиней Еленой Ивановной (первый черновик, без начала), датированный февралем 1683 г. [19, л. 13-17]. В правом верхнем углу л. 13 кириллической цифирью поставлен номер «50». Документ написан беглой скорописью черными чернилами. Правки в текст внесены беглой скорописью черными чернилами другим почерком.

Документ №7 — Царская «свидетельствованная» грамота Августину Погожему-Константиновичу о службе его предков в Московском государстве и их выезде в Литву с великой княгиней Еленой Ивановной (второй черновик), датированный 2 марта 1683 г. [19, л. 18-26]. В правом верхнем углу л. 13 кириллической цифирью поставлен номер «88». Документ написан парадной профессиональной скорописью, почерком, близким почерку Документа №1, черными чернилами. Правки внесены черными чернилами. На документе приказные пометки профессиональной скорописью черными чернилами почерком, близким почерку дьяка Посольского приказа П.Б. Возницына: *«Отпуск жалованной великих государей грамоты. Чернение в той грамоте боярина князя Василья Васильевича Голицына»* [19, л. 18], *«Такова великих государей жалованная (так!) грамота отдана Назарью Краевскому за государственною отворчатою Большою печатью, которою печатают великих государей грамоты к польскому королю, на красном воску под гладкою бумагою с фигуры, кайма, и фигуры, и «Божиею» писано золотом, против того, какову кайму и фигуры пишут в грамотах к польскому королю, и великих государей имянованье и титула писано золотом по «многих», а дело чернил и писал в лист Посольского приказу подъячей Иван Фаворов, дьячей приписи у той грамоты нет»* [19, л. 26-26 об.].

Таким образом, обнаруженный в ф. 150 РГАДА комплекс документов, созданный без малого через два столетия после пребывания «московского» двора Елены Ивановны в Литве, дает возможность поставить вопросы о механизмах формирования исторической памяти в Раннее Новое время на примере памяти шляхтича Августина Погожего-Константиновича о

своем происхождении, причинах выбора Константиновичем двора великой княгини Елены Ивановны в качестве отправной точки мифологизации своей родословной и роли Посольского приказа в процессе мемориализации этих представлений.

Августин Погожий-Константинович — одна из ключевых фигур агентурной сети Посольского приказа в 1670-е — 1680-е гг. Его работа на русское дипломатическое ведомство в 1680-е гг. была подробно описана К.А. Кочегаровым [10, с. 52-54]. Однако его биография и происхождение остается малоизученными. Известно, что он был «многолетним слугой и доверенным лицом» трокского воеводы кн. Марциана Александра Огинского, одного из влиятельнейших политиков Великого княжества Литовского и ближайшего соратника лидера т.н. «литовской оппозиции» королю Яну III Собескому великого гетмана литовского Михала Казимежа Паца [29, с. 60-61]. После смерти М.К. Паца в 1682 г. лидерство среди оппозиционно настроенной литовской элиты перешло к Огинскому, и вслед за этим расширились задачи Константиновича: ему было поручено заведование московскими и казацкими делами. К началу 1680-х гг. он имел уряд (должность) писаря гродского мстиславского и был наместником в селе Кадино, ближайшем к русской границе населенном пункте, через который проходила почтовая линия Москва-Вильно и проезжали все русские и польские посольства [10, с. 124]. Связи с руководством Посольского приказа Константинович осуществлял с ведома своих патронов — Огинского и Паца [10, с. 54], через смоленского шляхтича стольника Назария Михайлова сына Краевского [7; 3; 10]. Показательно, что на устойчивости этой связи практически не отражались перемены в руководстве Посольского приказа, не исключая даже гибель думного дьяка Л.И. Иванова в ходе стрелецкого бунта в мае 1682 г. и перехода руководства Посольского приказа ко кн. В.В. Голицыну. За свои услуги Погожий-Константинович получал жалование соболями, которое, по оценкам самого агента, могло достигать до 80 рублей в год [10, с. 53].

Складывание контактов Константиновича с московскими политиками и дипломатами относится к началу 1670-гг. В сентябре 1669 г. в деревне Андрусово начался пограничный посольский съезд, который продлился до марта 1670 г. Русскую делегацию возглавлял руководитель Посольского приказа боярин А.Л. Ордин-Нащокин [1, с. 142]. В составе польской делегации присутствовал на тот момент кравчий Великого княжества Литовского кн. М.А. Огинский [14, с. 831]. Как представляется, в свите Огинского находился его клиент Погожий-Константинович. С этим посольским съездом сам кадинский наместник уже в 1683 г. связывал свою первую попытку получить от русской стороны «свидетельство Погожих дому», т.е. официальное подтверждение «благородного» происхождения его предков. Если верить позднему свидетельству самого Константиновича, на съезде он с разрешения «комисаров королевского величества» (очевидно, своего патрона кн. Огинского) «подал челобитную... покойному боярину Афонасью Лаврентьевичю», получив от него обещание «прислать свидетельство, выписав из родословных книг, за вислюю печатью» [19, л. 2-3]. Однако, это исполнено не было.

Нельзя исключать, что именно А.Л. Ордину-Нащокину принадлежала идея связать происхождение Погожих-Константиновичей с выездом в Вильно двора великой княгини Елены Ивановны. Известно, что глава Посольского приказа с интересом относился к архивам русского дипломатического ведомства, и после своего ухода из политики в 1671 г. и пострига в монахи забрал с собой в Псков копии многих посольских книг и царских грамот,

которыми он пользовался при составлении своей челобитной царю Федору Алексеевичу в 1676-1678 гг. [4, с. 126]. Очевидно, ему была хорошо известна история русско-литовских контактов. Не исключено, что он даже помнил о поездке в Вильно Михаила Погожева. Это могло натолкнуть его на мысль, что в архиве Посольского приказа есть документы, способные удовлетворить просьбу Августина Погожего-Константиновича и его патрона. Обращение Ордина-Нащокина к событиям 1494-1495 гг. выглядит абсолютно оправданным и продуманным. Двор Елены Ивановны был единственным институтом в истории русско-литовских и русско-польских отношений кон. XV — XVII в., который давал возможность московским аристократам и детям боярским легально оказаться на службе в Великом княжестве Литовском. Все остальные случаи массового «отъезда» в Литву и Польско-Литовское государство во время Ливонской войны и Смуты московской стороной однозначно трактовались как «измена», и не могли не отразиться на ее готовности подтвердить «благородное» происхождение потомков этих «изменников».

Вторую попытку получить «свидетельствованную» царскую грамоту Погожий-Константинович, по собственному признанию, предпринял в первой половине 1670-х гг., действуя через бывшего клиента Ордина-Нащокина стольника, полковника и голову приказа московских стрельцов, расквартированного в Смоленске, Василия Михайловича Тяпкина. По словам кадинского наместника, Тяпкин «сам сказывался Погожих породю» и «обещал о том же... прислать с Москвы» [19, л. 3]. Складывание контактов между Тяпкиным и Константиновичем, по-видимому, следует отнести к 1674 г.¹ В ноябре 1673 г. Тяпкин был назначен резидентом в Польско-Литовском государстве. Уже после отправки Тяпкина из Москвы стало известно о смерти короля Михаила Корибута Вишневецкого. Это вынудило главу Посольского приказа А.С. Матвеева корректировать цели миссии: «*проведывать всякими мерами, которого государя послы или посланники проискивать учнут..., чтоб государя их на корону Полскую и великое княжество Литовское обрали королем, и нет ли от них, послов..., польским сенаторем дачи*» [16, л. 85]. В конце января 1674 г. резидент прибыл в Варшаву. Незадолго до его приезда Августин Погожий-Константинович был послан в качестве специального посланца от великого гетмана литовского М.К. Паца в Москву с предложением выдвинуть на польский престол кандидатуру царевича Федора Алексеевича и условиями его избрания. 4 февраля он был принят в Посольском приказе [1, с. 147; 15, с. 27]. При этом очевидно, что для руководства русского дипломатического ведомства Константинович был новой фигурой. В царском указе Тяпкину, уведомлявшем резидента о предложениях посланца гетмана Паца и встречных предложениях московской стороны, мстиславский гродский писарь назван «*некоторым шляхтичем, именем Констянтиновичь*» [18, л. 35]. Одновременно в Варшаве Тяпкин сблизился с гетманом М.К. Пацем, регулярно встречаясь с ним в течение февраля. Только в начале марта 1674 г. М.К. Пац сообщил резиденту о желании части сенаторов выдвинуть кандидатуру царевича [15, с. 26-27]. Глава Посольского приказа А.С. Матвеев, рассчитывая опереться на М.К. Паца и его сторонников в проведении своей политики в Речи Посполитой, не возражал против этих контактов [26].

¹ Возможность более ранних контактов между В.М. Тяпкиным и А. Погожим-Константиновичем исключать нельзя. В 1670-1673 гг. Тяпкин совместно с Я. Тютчевым был пограничным «межевым» судьей [1, с. 143]. Места службы Константиновича в этот период остаются неизвестными.

Таким образом, В.М. Тяпкин оказался тесно связан с группой литовских политиков, клиентом которой был Константинович.

В апреле 1674 г. к началу элекционного сейма Константинович, очевидно, вернулся в Варшаву. Он не был посланцем на сейм, однако его имя, как писаря гродского Мстиславского воеводства, фигурирует в итоговом перечне урядников воеводств и земель Речи Посполитой, отдавших свои голоса за Яна III Собеского от 20 мая 1674 г. [28, с. 162]. Как представляется, именно во время сейма были установлены прямые контакты между Тяпкиным и Константиновичем. Очевидно, резидент и мстиславский писарь обсуждали вопросы своей родословной, и в результате Тяпкин признал общее происхождение их родов. Летом 1674 г. фиксируется использование русским постоянным представителем двойного патронима — «Погожий-Тяпкин» — в переписке с гетманом М.К. Пацем [18, л. 234], а также появление «латинской» печати резидента, которой он запечатывал свои письма к вельможам Речи Посполитой, на которой были помещены литеры «W», «M», «P», «T», «P», «P» [18, л. 234 об.], что можно расшифровать как «**W**asyl **M**ichałowicz **P**ohoży-**T**iapkin, **p**ułkownik, **p**osłaniec».

В XVII в. в Московском государстве Погожие и Тяпкины считались «однородцами». Это представление сформировалось к концу XVI в, когда возникла генеалогическая легенда о происхождении Погожих и Тяпкиных от двух братьев, Василия Погожева и Михаила Тяпки, детей Василия Варгаса, по прозвищу «Погож», выехавшего «с *Ольгердовичи*» при князе Дмитрие Донском на московскую службу [22, с. 191]. Впервые это родословие появляется в Патриаршей редакции родословных книг, при этом с самых ранних ее списков² [2, с. 65-70, с. 190]. Родословие было составлено, как представляется, в роду Тяпкиных: потомки Василия Погожева представлены в ней двумя поколениями, роспись которых завершается фразой «и от того пошли Погожие», а потомки Михаила Тяпкина расписаны на шесть поколений. В XVII в. родословие не пополнялось. Во второй половине XVII в. родословие Погожих и Тяпкиных вошло в редакцию в 81 главу Государева родословца³ [2, с. 58-63, с. 187]. Текст родословия вошел в редакцию в 81 главу практически без изменений за единственным исключением: прозвище «Погож» переместилось от Василия Варгаса на его старшего сына Василия [21, с. 682-683].

Контакты резидента В.М. Тяпкина и А. Погожего-Константиновича, как представляется, оказались практически полезны для обоих. Резидент получил возможность укрепить свой статус в Польско-Литовском государстве через демонстрацию принадлежности к роду, который был хорошо известен в Великом княжестве Литовском как шляхетский, и через него к благородному сословию Польско-Литовского государства. Августин Константинович нашел подтверждение существования в Московском государстве рода Погожих и шанс с помощью своего «родственника» добиться получения из Москвы «свидетельствованной» грамоты. Однако политические обстоятельства, в частности, укрепление положения Яна III Собеского в Речи Посполитой, проигрыш группировки М.К. Паца в противостоянии с королем в 1674-1675 гг. и разочарование царя Алексея Михайловича и его советников в

² Порядковый номер родословия в разных списках варьируется от №49 до №55.

³ Порядковый номер родословия в разных списках варьируется между №76 и №77.

возможностях литовских политиков, опала А.С. Матвеева в 1676 г., сделали невозможным реализацию этой просьбы.

Настойчивое стремление А. Погожего-Константиновича получить подтверждение своего происхождения от выезжего с двором Елены Ивановны московского сына боярского, как представляется, связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, это возросший во второй половине XVII в. в литовской элите, близкой к М.К. Пацу, интерес к конструированию своей генеалогии через «православную идентичность» и связь с территориями, находящимися под владением Москвы. В частности, как показало недавнее исследование Е.С. Глинского, этим активно занимались Огинские, в частности кн. М.А. Огинский и его отец Александр. Они актуализировали свое происхождение из Козельска и подчеркивали происхождение своего рода от киевского князя Владимира Святого [5]. Огинские, в сер. — втор. пол. XVII в. входящие в политическую элиту Великого княжества Литовского стремились доказать свою родовитость. Направления генеалогических поисков Огинских могли повлиять и на их клиентов, в частности на Погожего-Константиновича, задавая им направления и конструирования собственного происхождения. Во-вторых, это неудачные попытки Августина Погожего-Константиновича добиться «свидетельствованной» грамоты, которые начали приносить обратный эффект. Вместо укрепления статуса своего рода в шляхетском сообществе Литвы, Константинович получил усиливающиеся сомнения вообще в его «благородном» происхождении. Не случайно в конце 1682 г. в разговоре с Н. М. Краевским Константинович жаловался: *«от своей братьи многожды имею укоризну и бещестья, потому что многие ведали о моем челобитье, и попрекают мне, будто Погожих на Москве и сыскать негде»* [19, л. 3].

В начале 1683 г. Назарий Краевский ездил в Москву⁴ [10, с. 54], чтобы доставить переданные Константиновичем письма М.А. Огинского главе Посольского приказа кн. В.В. Голицыну и сообщить «ведомости» о планах короля и «литовской оппозиции» на предстоящий варшавский сейм 1683 г.⁵ [19, л. 1-4], и оставался в столице в ожидании ответа «оберегателя». В ходе этой поездки он устно передал в Посольский приказ третье прошение Погожего-Константиновича *«чтоб ему указали дать на письме за вислою печатью свидетельство Погожих дому, какую на себе честь имели и в каких чинех бывали»* [20, л. 2]. Из пересказа Краевского следовало, что предок Константиновича был *«выезжей с стороны государства Московского»* [20, л. 2] (Документ №1). Ожидая ответа кн. В.В. Голицына, Краевский, как представляется, следил за ходом дела в Посольском приказе.

Время для подачи прошения Константинович выбрал крайне удачно. В августе 1682 г. в село Кадино, где он был наместником, прибыл королевский секретарь Станислав

⁴ Известно, что весной 1683 г. Краевский возвратился из Москвы в Смоленск.

⁵ В записи «речей» Краевского изложение просьбы Погожего-Константиновича предваряется сообщением о намерении Яна III Собеского *«под нынешнее смятение учинити розорвание перемирья»*, о том, что *«Речь Посполитая крепко о том стала, и не допускают явно к такому намерению, и писали в города к сродичам и к слугам своим, чтоб в ынструкциях подавали посла на сейм не позволять перемирья розрывать»*. После просьбы Константиновича следуют сообщения об обещании короля М.А. Огинскому на нынешнем сейме *«восприяти печать великую Великого княжества Литовского»*.

Бентковский, который должен был объявить, что он послан в Москву в качестве гонца, и дожидаться дальнейших инструкций из Варшавы. В действительности, Бентковский имел обширный спектр поручений: он должен был выяснить судьбу наследников царя Федора Алексеевича, настроения группировок аристократов в Москве, настроения на Смоленщине, на Украине и на Дону и даже попытаться организовать в Смоленске антимосковское восстание [10, с. 123-131]. В Кадино Бентковский оказался в поле зрения Константиновича и Краевского, которые присутствовали с ним на застольях и достаточно скоро начали подозревать, что он — королевский лазутчик. Уже 1 октября (21 сентября) кн. В.В. Голицын, находившийся в Троицком походе, был об этом проинформирован. В Смоленск к воеводе А.В. Толстому были посланы распоряжение принять необходимые меры предосторожности [10, с. 129]. В декабре 1682 г. Константинович передал Краевскому сообщение кн. М.А. Огинского, в котором тот подтверждал желание короля Яна III Собеского *«нарушить крестное свое целование и мир, постановленный с московскими государями»*, заверял руководство Посольского приказа в своем желании *«говорить о союзе и всякими мерами... к нему клонитца»* и предлагал руководству возобновить прерванные Стрелецким бунтом контакты [10, с. 131]. Сообщение Краевского оказалось в Посольском приказе 15 (25) декабря. Примерно в это же время король принял решение отказаться от миссии Бентковского. Таким образом, к концу 1682 г. Погожий-Константинович оказался как важным участником успешного разоблачения королевского лазутчика, так и связующим звеном в возобновляемых контактах между «оберегателем» кн. В.В. Голицыным и кн. М.А. Огинским. Очевидно, что эту исключительно благоприятную конъюнктуру кадинский наместник решил обратить в свою пользу. Тем более, становилось понятно, что глава Посольского приказа щедро оплачивает лояльность: в конце того же года смоленской, рославльской и бельской шляхте была дана жалованная грамота с подтверждением прав на ее «маетности» [10, с. 129].

Предположительно, с именем Назария Краевского связано появление в Посольском приказе «Записи легенды о выезде на службу в Москву князя Островского...» (Документ №2). Не исключено, что Краевский составил этот текст на основе рассказа Погожего-Константиновича и по его поручению. «Запись легенды...» составлена на латинице на смеси польского и русского языков. Все даты в «Записи легенды...» опущены, вместо них после словосочетания «w гоки» оставлено пустое место. Совпадение типа бумаги с бумагой других документов комплекса, а также не свойственная польско-литовскому делопроизводству столбцовая форма документа говорят о том, что он не был подготовлен заранее, а был написан непосредственно в Посольском приказе. Особый интерес представляет изложенная в «Записи легенды...» версия родословной Погожих-Константиновичей. Фактически, «легенда» состоит из двух несвязанных между собой сюжетов. Первый сюжет — о происхождении Погожих. Согласно поданной Н. М. Краевским «легенде», на имя великого князя Василия выехал великий князь Ольгерд вместе с князем Островским, который за свою верную службу был пожалован в сенаторы («został senatorem»). Один из его сыновей был большой красоты («hozei urody»), который получил прозвище «Погожий», а другой сын был назван «Тяпкой». От Погожего пошел род Погожих, а от Тяпки — Тяпкиных. Как представляется, в основе сюжета лежит сильно искаженная в фактах идея родословия Погожих и Тяпкиных. Очевидно, Погожий-Константинович не обладал копией этой

родословной или ее переводом на польский язык и опирался на ее пересказ, услышанный от В.М. Тяпкина. Примечательным кажется появление в «легенде» «князя Островского». Очевидно, оно отразило «моду» на возведение генеалогий к знатым и православным предкам, заданную Огинскими. Род князей Острожских — один из наиболее известных православных родов Великого княжества Литовского.

Второй сюжет «легенды» посвящен выезду в Литву с двором Елены Ивановны предка Погожих-Константиновичей. Согласно тексту Н.М. Краевского, великая княжна Елена Даниловна («Helena Donilna») вышла замуж за короля Александра, и с ней в Вильно было послано много знатных родов и почтенных людей («rowaznych ludei»), среди которых оказался князь Константин Погожий-Островский, от которого пошел род Константиновичей [19, л. 12-12 об.].

«Запись легенды...» была переведена на русский язык в Посольском приказе (Документ №3). Однако переводчик внес ряд существенных изменений в «легенду». В результате князя Островского, выехавшего в Москву вместе с Ольгердом, звали Иван Варгас. Он оказался «воеводою полковым, и побил татар над Доном и над Непрядвою», за что был пожалован «в бояры». Константин Погожий, потомок Ивана Варгаса, «выехал... до Литвы за великою княжною Ульяною», и от него пошел род Константиновичей, «а с предка те Погожие идут с породы князев Островских» [19, л. 8]. Очевидно, перед переводчиком стояла задача не столько передать смысл польского текста «Записи легенды», сколько скорректировать его, согласовав с существующими в московской традиции родословными легендами. При этом идея о высоком статусе предков Погожих-Константиновичей была усилена введением службы Ивана Варгаса-Островского «полковым воеводой» и боярином. Нельзя исключать, что в коррекции «легенды» принял участие сам В.М. Тяпкин, имевший тогда чин думного дворянина⁶.

На основании сообщенного Н.М. Краевским прошения Августина Погожего-Константиновича и поданной им «Записи легенды о выезде на службу в Москву князя Островского...» в Посольском приказе началась проверка этих сведений. Подготовленные там выписки строго следуют логике, предложенной в «Записи легенды»: с одной стороны на основании имеющихся в распоряжении дипломатического ведомства родословных книг проверялись данные о происхождении рода Погожих, а с другой — на основании посольских книг уточнялась информация о свите великой княгини Елены Ивановны.

В результате собранные материалы не подтвердили ни одно из положений «Записи легенды...». Из Государева родословца (редакции в 81 главу) была выписана Глава 77 «Род Варгасовых, да Погожих и Тяпкиных» [19, л. 9-11] (Документ №5), содержание которой полностью соответствует тексту этого родословия в списках данной редакции. Как представляется, в распоряжении Посольского приказа был некий недошедший до нас список⁷ [2, с. 58-61]. Среди зафиксированных в выписке потомков В. Погожего и М. Тяпкина какие-

⁶ Начертания отдельных букв в почерке Документа №3 близки к аналогичным начертаниям букв в автографах В.М. Тяпкина на его донесениях в Посольский приказ во время польской резиденции 1673-1677 гг. Однако большая разница во времени между образцами оставляет основания для сомнений.

⁷ Все известные списки XVII этой редакции Государева родословца имеют явное частное происхождение.

либо люди с именем Константин отсутствуют.

Сходным образом выглядит ситуация с выпиской из литовской посольской книги 1487 г. (Документ №4) [19, л. 5-7]. Среди перечисленных в выписке об *«отпуске от великого князя дочери ево великие княжны Елены Ивановны к великому князю Александру Литовскому, а с нею, княжною, отпуск в провожатых»* придворных великий княжны Константин Погожий или иной представитель этого рода не зафиксирован. Текст выписки соответствует тексту, озаглавленному *«А се список, которые бояре и дети боярские поехали княжны провожати в Литву»*, в опубликованной посольской книге [23, с. 163-164], за исключением отсутствия последних 19 человек. Как представляется, все эти имена были зафиксированы на утраченном последнем листе выписки.

Таким образом, имеющиеся в 1683 г. в распоряжении Посольского приказа материалы не подтверждали ни одно положение родословной легенды Августина Погожего-Константиновича, изложенной Н.М. Краевским. Однако на определенном этапе в деле появился еще один документ, излагающий родословие Константиновичей. В его основе лежит перевод «справки», но он дополнен новыми деталями.

Работу над составлением текста «свидетельствованной» грамоты, которая началась не ранее февраля 1683 г., контролировал лично кн. В.В. Голицын. Об этом свидетельствует дьячья пометка: *«чернение в той грамоте боярина князя Василья Васильевича Голицына»* [17, л. 18]. Это говорит об особом отношении «оберегателя» к Погожему-Константиновичу и его положению в системе агентов Посольского приказа. Подготовка грамоты была завершена ко 2 марта 1683 г. (Документ №7). Несмотря на отсутствие в распоряжении Посольского приказа прямых сведений о принадлежности Константиновичей к московскому роду Погожих и отъезду одного из членов этого рода ко двору Елены Ивановны в Вильно, «главный министр» [6, с. 136] принял решение поддержать притязания кадинского наместника. В этих условиях единственным аргументом становились показания думного дворянина В.М. Тяпкина. В результате в «свидетельствованной» грамоте было указано, что думный дворянин В.М. Тяпкин подтвердил, что *«королевского величества дворянин Августин Константинович с ним... однопородной»* [17, л. 21]. Затем в грамоте дословно был приведен текст из родословных книг о родах Варгасовых, Тяпкиных и Погожих [17, л. 22-24]. При этом по распоряжению В.В. Голицына было вычеркнуто упоминание о пожаловании Василия Варгаса в окольничие. Наконец, изложение сведений о Погожих в грамоте завершалось упоминанием об отъезде «московского» двора Елены Ивановны в Литву, которое было датировано 1486/87 г., (по дате составления посольской книги, откуда была сделана выписка). Среди членов ее двора был *«написан Костянтин Яковлевич Погожево, которой заехав при великой княжне в Вильно, там житие свое скончил»*. Текст грамоты дипломатично завершался словами: *«Дети же после ево остались ли, и того в записных книгах не обретатся, занеже вскоре после того у Московского государства с Литвою восташа брань и кровопролитье»* [17, л. 26].

Вернувшись из Москвы в Смоленск, Назарий Краевский привез Августину Погожему-Константиновичу в село Кадино долгожданную царскую «свидетельствованную» грамоту. О факте выдачи этой грамоты было известно К.А. Кочегарову, работавшему с письмами Краевского: агент отчитался в русское дипломатическое ведомство, что Константинович *«честно с великим поклоном поцеловал печать, воспринял и обещал служить до смерти*

своей» [10, с. 54].

Таким образом, дело о получении литовским шляхтичем Августином Константиновичем Погожим царской «свидетельствованной» грамоты о своем происхождении из среды родовитых служилых людей Московского государства раскрывает еще один эпизод формирования исторической памяти, связанной со службой предков в Москве или на землях, подвластных Москве, у представителей литовской шляхты в XVII в. и органично дополняет перечень случаев, выявленных Е.С. Глинским. Уникальность случая Августина Погожего-Константиновича заключается в его апелляции к русским властям в Москве, которые, с точки зрения шляхтича, должны были подтвердить его конструкции официальным документом. Другие литовские роды, связывавшие свое происхождение, с «Московией», обходились без юридических средств доказательства, довольствуясь (псевдо-) историческими. На использование нетипичного средства мемориализации своей реконструируемой исторической памяти Погожего-Константиновича сначала подтолкнул случай — встреча с А.Л. Ординым-Нащокиным, который подтвердил возможность выдачи такого документа, — а затем принцип. Длительное отсутствие документального подтверждения родословной легенды из Москвы привело к обратному эффекту и поставило под угрозу сам шляхетский статус рода Константиновичей-Погожих. Это вынуждало Августина Константиновича идти до конца.

В восприятии Константиновича-Погожего эпоха пребывания великой княгини Елены Ивановны в Литве оказалась единственным историческим периодом, с которым можно было связать достаточно массовое появление в великом княжестве московских служилых родов. Очевидно, что все последующие события, например, события Смутного времени, обладали меньшей привлекательностью для таких целей. Также следует особо отметить крайне слабое знакомство Константиновича с московской практикой использования родословных книг. Очевидно, легенду о происхождении родов Варгасовых, Погожих и Тяпкиных он слышал от В.М. Тяпкина, во время своей «резиденции» в Польско-Литовском государстве поддерживающего контакты с Константиновичем. В легенде о предках Августина Константиновича, представленной Посольский приказ смешались сильно искаженные (но угадываемые) черты русского родословия Погожих и желание вести свое происхождение от знатного и авторитетного предка. Очевидно, что для литовского шляхтича (нельзя исключать, что православного), такой фигурой являлся князь Константин Острожский и род Острожских князей

Наконец, в начале 1683 г. Посольский приказ и кн. В.В. Голицын были крайне заинтересованы в службе Августина Погожего-Константиновича в качестве русского агента и посредника в контактах с лидером «литовской оппозиции» кн. М.А. Огинским. Это, как представляется, предопределило полное игнорирование отсутствия каких-либо упоминаний об отъездах Погожих ко двору Елены Ивановны в конце XV в. и выдачу «свидетельствованной» грамоты. Тем самым миф, созданный Августином Константиновичем, получил документальное закрепление.

Литература

1. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России по 1800 г. Ч. 3. 1897. М.:

Домрачев Н.Е.
Литовский шляхтич Августин Константинович: лже-
потомок члена двора великой княгини Елены
Ивановны
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 14–29.

Domrachev N.E.
Lithuanian Nobleman Augustin Konstantynowicz: a
Pseudo-Descendent of a Courter of Grand Princess Elena
Ivanovna
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 14–29.

Типография Э. Лиснера и Ю. Романа. 319 с.

2. Бычкова М.Е. Родословные книги XVI — XVII вв. как исторический источник. 1975. М.
3. Верховская Л.А. Род Ясенчик-Краевских // Смоленское дворянство. Вып. 1. 1997. М. С. 78-80.
4. Галактионов И.В., Чистякова Е.В. Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII века. 1961. М.: Соцэкгиз. 134 с.
5. Голицын Е.С. Легенды о «московском» происхождении отдельных шляхетских родов в историческом дискурсе Великого княжества Литовского XVII-XVIII вв. // Исторический Вестник. Т. 33. Русь. Россия. Беларусь. 2020.
6. Гордон П. Дневник, 1684-1689 / Патрик Гордон; пер., ст., примеч. Д.Г. Федосова [отв. ред. М.Р. Рыженков]. 2009. М.: Наука.
7. Греков И.Б. Вечный мир 1686 г. [автореф. канд. дисс.] // Институт Славяноведения. Краткие сообщения. Вып. 2. 1951. М. 26 с.
8. Зимин А.А. Россия на рубеже XV — XVI столетий. 1982. М.: Мысль. 336 с.
9. Корзинин А.Л. Великая княгиня Литовская и королева Польская Елена Ивановна и ее двор (статья в печати) // Вестник СПбГУ. 2022.
10. Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680-1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. 2008. М.: Индрик. 502 с.
11. Кром М.М. Меж Русью и Литвой: западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. 1995. М.: Археографический центр. 291 с.
12. Мокроусова Е.А. Исторический подход к проблеме памяти: понятие исторической памяти // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. С. 14-15.
13. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. № 2. 2005. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 28.11.2022).
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 1. 1830. СПб.
15. Попов А.Н. Русское посольство в Польшу в 1673-1677 гг. 1854. СПб.: Тип. Морск. кадет. корп.
16. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1670 г. № 12.
17. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 1.
18. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1674 г. № 2.
19. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1683 г. № 4.
20. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1684 г. № 4.
21. РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 176 (Список А.М. Пушкина).
22. Родословная книга (по списку А, хранящемуся в Московском Архиве Коллегии иностранных дел) // Временник Императорского московского общества истории и древностей российских. Кн. 10. 1851. М.
23. Сборник Русского исторического общества. Т. 35. 1882. СПб.
24. Уваров П. История, историк и историческая память во Франции // Отечественные записки. № 5. 2004.
25. Флоря Б.Н. Великая княгиня Елена Иоанновна // «Православная энциклопедия». Т. 18. 2008. М.
26. Флоря Б.Н. Россия, Ян Собеский и Михаил Пац в 1674-1675 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1. 2015. С. 5-6.

Домрачев Н.Е.
Литовский шляхтич Августин Константинович: лже-
потомок члена двора великой княгини Елены
Ивановны
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 14–29.

Domrachev N.E.
Lithuanian Nobleman Augustin Konstantynowicz: a
Pseudo-Descendent of a Courter of Grand Princess Elena
Ivanovna
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 14–29.

27. Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. 1980. М.: Наука. 294 с.
28. Suffragia województw i ziem za Iana III roku 1674 // Volumen Quintum: ab anno 1669 ad annum 1697. Acta Reipublicæ Continens. T. 5. 1860.
29. Wójcik Z. The separatist tendencies in the Grand Duchy of Lithuania in the 17th century // Acta Poloniae historica. 1994. № 69. Warszawa.

References

1. Bantysh-Kamenskii N.N. Obzor vneshnikh snoshenii Rossii po 1800 g. Ch. 3. 1897. Moscow: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana. 319 s. (In Russ.).
2. Bychkova M.E. Rodoslovnye knigi XVI — XVII vv. kak istoricheskii istochnik. 1975. Moscow. (In Russ.).
3. Verkhovskaya L.A. Rod Yasenich-Kraevskikh // Smolenskoe dvoryanstvo. Vyp. 1. 1997. Moscow. S. 78-80. (In Russ.).
4. Galaktionov I.V., Chistyakova E.V. Ordin-Nashchokin — russkii diplomat XVII veka. 1961. Moscow: Sotsekgiz. 134 s. (In Russ.).
5. Golitsyn E.S. Legendy o «moskovskom» proiskhozhdenii otdel'nykh shlyakhetskikh rodov v istoricheskom diskurse Velikogo knyazhestva Litovskogo XVII — XVIII vv. // Istoricheskii Vestnik. T. 33. Rus'. Rossiya. Belarus'. 2020. (In Russ.).
6. Gordon P. Dnevnik, 1684-1689 / Patrik Gordon; per., st., primech. D.G. Fedosova [otv. red. M.R. Ryzhenkov]. 2009. Moscow: Nauka. (In Russ.).
7. Grekov I.B. Vechnyi mir 1686 g. [avtoref. kand. diss.] // Institut Slavyanovedeniya. Kratkie soobshcheniya. Vyp. 2. 1951. Moscow. 26 s. (In Russ.).
8. Zimin A.A. Rossiya na rubezhe XV — XVI stoletii. 1982. Moscow: Mysl'. 336 s. (In Russ.).
9. Korzinin A.L. Velikaya knyaginya Litovskaya i koroleva Pol'skaya Elena Ivanovna i ee dvor (stat'ya v pechati) // Vestnik SPbGU. 2022. (In Russ.).
10. Kochegarov K.A. Rech' Pospolitaya i Rossiya v 1680-1686 godakh. Zaklyuchenie dogovora o Vechnom mire. 2008. Moscow: Indrik. 502 s. (In Russ.).
11. Krom M.M. Mezhd Rus'yu i Litvoi: zapadnorusskie zemli v sisteme russko-litovskikh otnoshenii kontsa XV — pervoi treti XVI v. 1995. Moscow: Arkheograficheskii tsentr. 291 s. (In Russ.).
12. Mokrousova E.A. Istoricheskii podkhod k problem pamyati: ponyatie istoricheskoi pamyati // Vserossiiskii zhurnal nauchnykh publikatsii. 2011. S. 14-15. (In Russ.).
13. Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati // Neprikosnovennyi zapas. № 2. 2005. Available at: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (Accessed: 28.11.2022) (In Russ.).
14. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1. T. 1. 1830. Saint Petersburg. (In Russ.).
15. Popov A.N. Russkoe posol'stvo v Pol'shu v 1673-1677 gg. 1854. Saint Petersburg: Tip. Morsk. kadet. korp. (In Russ.).
16. RGADA. F. 79. Op. 1. 1670 g. № 12. (In Russ.).
17. RGADA. F. 79. Op. 1. Kn. 1. (In Russ.).
18. RGADA. F. 79. Op. 1. 1674 g. № 2. (In Russ.).
19. RGADA. F. 150. Op. 1. 1683 g. № 4. (In Russ.).
20. RGADA. F. 150. Op. 1. 1684 g. № 4. (In Russ.).
21. RGADA. F. 181. Op. 1. Ed. khr. 176 (Spisok A.M. Pushkina). (In Russ.).

Домрачев Н.Е.
Литовский шляхтич Августин Константинович: лже-
потомок члена двора великой княгини Елены
Ивановны
Язык и текст. 2022. Том 9. № 4. С. 14–29.

Domrachev N.E.
Lithuanian Nobleman Augustin Konstantynowicz: a
Pseudo-Descendent of a Courter of Grand Princess Elena
Ivanovna
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 4, pp. 14–29.

22. Rodoslovnaya kniga (po spisku A, khranyashchemusya v Moskovskom Arkhive Kollegii inostrannykh del) // Vremennik Imperatorskogo moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh. Kn. 10. 1851. Moscow. (In Russ.).
23. Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 35. 1882. Saint Petersburg. (In Russ.).
24. Uvarov P. Istoriya, istorik i istoricheskaya pamyat' vo Frantsii // Otechestvennye zapiski. № 5. 2004. (In Russ.).
25. Florya B.N. Velikaya knyaginya Elena Ioannovna // «Pravoslavnyaya entsiklopediya». T. 18. 2008. Moscow. (In Russ.).
26. Florya B.N. Rossiya, Yan Sobeskii i Mikhail Pats v 1674-1675 gg. // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. № 1. 2015. S. 5-6. (In Russ.).
27. Khoroshkevich A.L. Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii kontsa XV — nachala XVI v. 1980. Moscow: Nauka. 294 s. (In Russ.).
28. Suffragia województw i ziem za Iana III roku 1674 // Volumen Quintum: ab anno 1669 ad annum 1697. Acta Reipublicæ Continens. T. 5. 1860.
29. Wójcik Z. The separatist tendencies in the Grand Duchy of Lithuania in the 17th century // Acta Poloniae historica. 1994. № 69. Warszawa.

Информация об авторах

Домрачев Николай Евгеньевич, главный специалист Отдела научной информации и публикации документов РГАДА, г. Москва, научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: nickolas-house@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay E. Domrachev, main specialist of Department of Scientific Data and Publishing Department, RGADA, Moscow, Research Associate, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, e-mail: nickolas-house@yandex.ru

Получена 01.12.2022
Принята в печать 15.12.2022

Received 01.12.2022
Accepted 15.12.2022